

“Илье смерть в бою не писана”

Надписи в былинах

© Н. В. ПЕТРОВ

В текстах русского былинного эпоса встречаются *надписи*, представляющие собой различные формы письменного сообщения. Рассмотрим их функции и влияние на сюжет былины. Материалом исследования послужили былины Русского Севера с привлечением сибирских текстов из сборника Кириши Данилова.

Надписями могут быть любовные записки в новеллистических сюжетах (“Чурило и Катерина”), “грамотки тарханные” или “ярлыки скорописчатые”, которые пишут или герой, созывая свою дружину (“Илья Муромец и Калин-царь”, “Василий Буслаевич”), или киевский князь, отправляя богатыря за данью в чужую землю (“Дунай”), или противник героя, выдвигая ультиматум киевскому князю Владимиру (“Михайло Потык”). Они характерны для всего сюжетного состава былин и представляют собой призыв или угрозу:

«Садился Васька на ременчетой стул, Писал ерлыки скорописчеты. От мудрости слово поставлено: “Кто хочет пить и есть из готовова, Валися к Ваське на широкой двор, Тот пей и ешь готовое И носи платье разноцветное» [1. № 10 “Василий Буслаев”];

«Тут выходит тотарин-от Идолишно всё из бела шатра, Он писал-то ёрлычки всё скорописчатые; Посылает он тотарина поганого. Написал он в ёрлычках всё скорописчатых: “Я зайду, зайду, Идолишно, во Киев-град, Я ведь выжгу-ту ведь Киев-град, Божьи церкви; Выбирал-сэ-то штыобы князь ис полатушок: Я займу, займу полаты белокамянны; Тольки я пушшу в полаты белокамянны – Опраксеюшку возьму всё Королевисьню; Я Владимира-та князя я поставлю-ту на кухню-ту, Я на кухню-ту поставлю на меня варить”» [2. № 43 “Илья Муромец в изгнании и Идолище”];

«Наливал-де он чан дак зелена вина, Он спускал-де ведь цяроцьку серебрену, Он серебряную цяроцьку позолочену, Он не малу, не велику –

полтора ведра. Он на цяроцьки-то подписи всё подписывал; “Да хто вызыднёт эту цяроцьку единой рукой, Да хто выпьёт эту цяроцьку к единому духу, Состоит у Василя под черляным вязом – Тот и будёт-де Васеньки названой брат”» [3. Т. IV. № 186 “Василий Буслаев и новгородцы”].

Подобные сообщения заменяют устные вести, они предназначены передавать информацию на расстояние, преодолевая тем самым время и пространство [4. С. 31]. Коммуникация такого рода происходит между персонажами былины и может встречаться в следующих мотивах: герой созывает свою дружину, его противник – антагонист угрожает эпическому центру. Вариация этого мотива состоит в том, что эпический владыка отправляет богатырей за данью в чужую землю, дав им ярлык с условиями выплаты.

Общэпические надписи свидетельствуют, главным образом, о стремлении сказителей к реалистичной мотивировке событий; эпические надписи не являются определяющими для сюжета, они служат для создания периферийного мотива.

Если *ярлыки скорописчатые* с угрозами в адрес Киева в большей мере свойственны былинам об отражении татарского нашествия (“Илья и Калин-царь”, “Василий Игнатьевич и Батыга”), то надписи-метки угрожающего характера на богатырском шатре или *ископыти* – следе богатырского коня соперника – это маркеры другой группы сюжетов, мотивным ядром которых является соперничество между *своими* богатырями или бой героя с женщиной-богатыркой (“Добрыня и Дунай”, “Илья Муромец и Добрыня”, “Добрыня и Настасья”). Соперничество *своих* героев – это более поздняя группа сюжетов: сказители *сводят* героев эпоса между собой, устанавливая статус каждого из них на иерархической лестнице богатырства. При этом сообщения передаются от персонажа-соперника к герою: «А на ископыти подпись была подписана, А подписано было со-й угрозою: “А хто сзади поедёт – дак живому не быть”» [5. Т. I. № 79].

Как и в случае с ярлыками от антагониста к эпическому владыке – князю Владимиру – данные надписи угрожают адресату смертью, вызывая гнев героя: он нарочно крушит обстановку в шатре соперника, что и приводит к столкновению с другим богатырем: «Приежжает Добрынюшка ко белу шатру, А на шатри видит – подписом подписано, А-й со велики[м]а-й угрозами подрезано: “А ишше хто к шатру приедёт – дак живому не быть, А живому-то не быть, проць не уехати!” И сомутились у Добрынюш[к]и оци ясныя, А расходились у Добрынюш[к]и руцьки белыя» [3. Т. IV. № 138]. В некоторых вариантах былин герой видит в поле черный шатер, в котором расположился на отдых другой богатырь. Черный цвет шатра указывает на то, что соперник бросает вызов существующему этикету – у *своего* богатыря шатер должен быть *белополотняным*. Следовательно, угрожающая надпись провоцирует героя на проявление агрессии: «Да увидял Добрынюшка, во цистом по-

ли Да стоит-то чёрной шатёр полётняной. А приехал Добрынюшка ко чёрну шатру. На шатри-то ведь было как написано, А глубокима-ти подрезами подрезано: “Хто приедёт как ко чёрну шатру, А живому ведь от чёрна шатра не уехати!”» [2. № 98 “Бой Добрыни с Дунаем”].

Персонаж, подписывая угрозы на шатре или ископывти, таким образом осваивает пространство. Интересна аналогия с искусством граффити в современной городской культуре, когда “граффитистом двигает осознанное или неосознанное желание сделать это пространство хотя бы частично своим” [6].

Следующая группа надписей представлена в сюжетах, где герой один или с помощником выбирают дальнейший путь следования. В указателе мотивов С. Томпсона данный мотив надписей на *росстанюшке* соответствует № 122.0.1 – “выбор пути” [7. Vol. 5]:

«А подписана доска ли есть исподрезана, А поставлены буквы да позолочены: “А во перву лё дорожецьку – быть бохатаму, А во втору е дорожку – быть женатаму, А во третью дорожку – живому не быть”» [5. Т. I. № 5 “Илья Муромец и Соловей Разбойник”];

«Ише ехал ту старой по дорожоцьки Да наехал ко столбу да ко ростанюшкам. Да на столбики было-то как написано, А глубокима-ти подрезами подрезано: “Во перву ехать дорожоцьку – богату быть, во втору ехать дорожоцьку – женату быть, Во третью ехать дорожоцьку – убиту быть”» [2. № 97 “Илья Муромец и Разбойники”].

Б.Н. Путилов заметил, что “предупредительную” надпись на дорожном камне в сюжете о трех поездках Ильи Муромца следует рассматривать в одном ряду с вещими сновидениями, предупреждениями, предсказаниями и запретами [8]. Действительно, во всех случаях подобные сообщения информируют как героя (персонажа) о возможных событиях, встречах, так и слушателя – о дальнейшем развертывании сюжета. Герой отвергает возможность быть женатым, богатым и едет в ту сторону, где *убиту быть*.

«Поехал он во чисто поле, Приехал он ко столбам точеным; На столбах-то надписи написаны, На столбах подрезы подрезаны: “Во перву дорожку ехать – живому не быть, Во втору дорожку ехать – богату быть, Во третью дорожку ехать – женату быть”. Говорит Илья Муромец таковы слова: “На старость женитьца – чужа корысть, А богатства мне не надобно: Есть у меня золоты казны”. Осталась дорожка прямоезжая, Зарасталась прямоезжая тридцать лет» [3. Т. I. № 48 “Исцеление Ильи Муромца”].

Интересно, что надпись о возможной смерти героя располагается либо в начальной позиции, либо в конечной, реализуя более логичную схему: богатый–женатый–убитый, и менее логичную: убитый–богатый–женатый. Илья последовательно исправляет надписи на камне/столбе, очистив от разбойников дорожку, где “убиту быть” и от колдуньи – где “женату быть”, последняя дорожка, где “богату быть”, при-

водит героя к богатству, которое он раздает монастырям. В других вариантах былин "Илья Муромец: три дорожки" третья дорога, ведущая к богатству, оказывается для героя действительно последней: он окаменеет. В этом случае Илья нарушает скрытый запрет, не совершая воинских подвигов, и принимает свою необычную смерть.

К этой группе сюжетов примыкают былины "Алеша и Тугарин" (камень с надписями на развилке, вероятно, перенесенный из былины об Илье Муромце, выполняет функцию дорожного камня-указателя) и "Поездка Василия Буслаевича в Иерусалим":

«На камешки подпись подписана, Подписана подпись, подрезана: "Хто этот камень не перескочит, Не бывает во Новом городе!» [3. Т. IV. № 188 "Поездка Василия Буслаева в Иерусалим"];

«Да подымалисе они да на круту гору. Да на той на дорожки есь горюць камень, Да що на етом на камешки подписано: "Ище хто етот камешок не перескочит – Да тому ле на свети живому не быть!» [3. Т. IV. № 192 "Поездка Василия Буслаева в Иерусалим"];

«Потом увидали камень, очень огромной. И на том камню подпись подписана и подрезана: "Кто этот камень скочит да отскочит – тот будет в Новгороде! А кто скочит да не перескочит – тот не будет!"» [3. Т. IV. № 190 "Василий Буслаев и Новгородцы"].

Василий Буслаевич, в соответствии с законами богатырства, отвечает на письменный вызов неизвестного адресанта, *подрезанный* на камне: "живому не быть", "не бывать в Новгороде" – и, не перескочив камень, погибает. При анализе данного эпизода вполне допустима обрядовая трактовка действий героя, предложенная Т. А. Новичковой [9], однако и смысловое поле *камень – надгробный камень – окаменение – смерть* также может быть важным для формирования мотива "чудесной гибели" героя. Мы не включили в анализ тексты былин о Святогоре, который ложится в каменный гроб, предназначенный для него (на что часто указывает надпись на гробе), хотя этот случай также подтверждает взаимосвязь между надписью запрещающего содержания на камне и необычной смертью героя. Необходимо отметить в этой связи, что надписи в былинах об Илье Муромце и Василии Буслаевиче носят сакрализированный характер.

Другой вопрос состоит в том, что надписи на камне в проанализированных сюжетах только формально являются таковыми. Во-первых, непонятно, кто автор данных сообщений, а во-вторых, для кого они предназначены. Приведем пример из совершенно иной фольклорной традиции. В южномонгольском предании о Чингисе надпись, информирующая о будущих событиях, появляется "в воздухе и ветре":

«Он вытащил свою тонкую белую пику и только собрался пронзить ею [старика] в самое сердце, как один рыжий гончий пес согнул ноги, будто кланяется, и завыл-заскулил. Чингис вздрогнул и посмотрел в сторону рыжего пса. Там в воздухе и ветре показалась какая-то над-

пись. Чингис отставил пику, притянул к себе послание. Там было написано: “Если смилуетесь и оставите жизнь этому тощему рыжему старику Гунгэ, хоть он на вид и рыжий бродяга, в конце концов, его три сына помогут вам поймать лисицу-демона!” Чингис прочитал, и гнев его успокоился» [10]. Вероятно, функция такого рода известий состоит в том, чтобы сообщить как герою, так и слушателю о возможных последствиях какой-либо акции и, следовательно, о последующем ходе повествования.

Другой вид надписей – сообщения на теле человека – представляют собой реализацию некоего непреложного закона в эпическом мире. В сюжете “Исцеление Ильи Муромца” к сидящему на печи обездвиженному герою приходят странники – *калики-перехожие*, которые его исцеляют и наделяют его силой богатырской. При этом они говорят, что “Илье смерть в бою не писана”. В некоторых вариантах устное сообщение заменяется подписью:

«Наливали ёму-ту только пол-цяши-то; Выпивал-то Илья-то скоро Мурамецъ. “Ты велику ли тепере слышишь силушку” – “Да теперь во мне силушки половинушка”. А во ту ведь пору скоро, во то время Отправляли ёго юноши во чистó полё; Подписали всё на ёго могуцѣх плечях, Шьчо Ильи-то во чистóм поли смерть была не писана» [2. № 46 “Илья Муромец и Добрыня”].

Типологически данный случай сходен с описанием железных частей тела героев архаического эпоса (например, нартского) и подразумевает неуязвимость героя. В отличие от стадийно предшествующих традиций, где непобедимость “материальна”, о неуязвимости Ильи Муромца ему (равно как и слушателю былины) говорят странники, исцелившие его. Однако утверждение “смерть в бою не п и с а н а” иногда понимается буквально и реализуется в форме н а д п и с и на Илье Муромце.

Необычен финал в двух текстах былины о Дунае, в которых герой, уступая в меткости своей беременной жене, убивает сначала ее, затем себя: упор делается не на необыкновенную внешность младенца, которого носит Настасья-поленица (“по локоть ручки в золоте, по колен ножки в серебре”), а на его богатырские качества: «... падала Настасья на сыру землю. Вынимал же Дунаюшко цинжалой нож, Он порол-де у Настасьи белы груди, Он вынял из утроба младеня. На лобу-то младеня подпись подписана: “Ишние сильней-могучей был богатырь» [3. Т. III. № 114, № 118 “Дунай Иванович”].

Действительно, такая надпись (F 545.2.3. “человек с надписью на лбу” [7. Vol. 6]) лучшим образом передает возможную последовательность событий (иногда о своей богатырской силе нерожденный младенец говорит сам [1. № 11 “О женитьбе князя Владимира”]) и предназначена как для героя – Дуная, предопределяя его самоубийство, так и для слушателя былины.

Итак, надписи в русских былинах различны по своим функциям, относятся к большинству сюжетов, в то же время определяя сюжетные

типы. Так, мотив “ярлык с угрозами” более характерен для сюжетов об отражении татарского нашествия.

Надписи на “ископыти богатырской” и на шатре, сделанные “конкурентом” эпического героя, входят в группу сюжетов, реализующих повествовательную ситуацию “соперничество персонажей” (“Добрыня и Дунай”, “Добрыня и поленица”). Здесь надпись связана с освоением пространства; функционально – это вызов потенциальному сопернику, побуждение его к агрессии.

Другие надписи указывают на возможность выбора героем повествовательной ситуации (камень на распутье и др.) и включаются в мотив “необычная смерть героя” (“Три дорожки Ильи Муромца”, “Поездка Василия Буслаева в Иерусалим”, “Смерть Святогора в гробу”).

Последний вид “былинных граффити”, “наносимых” на тело персонажа, лишь формально может называться надписями: функционально такие сообщения формулируют непреложные законы эпического универсума, а их адресатами становятся не столько персонажи, сколько слушатели эпического произведения, как, например, в былинах “Исцеление Ильи Муромца”, “Дунай Иванович”.

Литература

1. Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 2000.
2. Беломорские былины, записанные А.В. Марковым. М., 1901.
3. Былины: В 25 т. СПб.; М., 2001–2003 (Свод рус. фольклора). Т. I, II, III, IV.
4. Дьяконов И.М. О развитии письма и его типах // Фридрих И. История письма. М., 1979.
5. Былины Севера / Записи, вступит. статья и коммент. А.М. Астаховой. Т. I. Мезень и Печора. М.–Л., 1938; Т. II. Прионежье, Пинега и Поморье / Подготовка текста и комментарий А.М. Астаховой. М.–Л., 1951.
6. Бажкова Е.В., Лурье М.Л., Шумов К.Э. Городские граффити // Современный городской фольклор. М., РГГУ, 2003. С. 440.
7. Thompson S. Motif-Index of Folk-Literature. 6 vols. Copenhagen – Bloomington, 1955–1958. vol. 5–6.
8. Путилов Б.Н. Эскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб., 1999. С. 179.
9. Новичкова Т. А. Эпос и миф. СПб., 2001. С. 45–58.
10. Mostaert A. Text oraux Ordos. Peiping, 1937 (пер. А. Д. Цендиной). С. 126–130.